

Томас
де ВААЛ

Черный сад

АРМЕНИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН
МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

Black garden

ARMENIA AND AZERBAIJAN

THROUGH PEACE AND WAR

Thomas
de WAAL

Томас
де ВААЛ

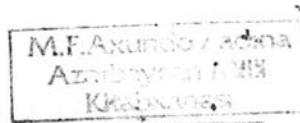
Черный сад

АРМЕНИЯ И АЗЕРБАЙДЖАН

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

Перевод с английского О.Алякринского

1-696 568

NEW YORK UNIVERSITY PRESS

МОСКВА «ТЕКСТ» 2005

За пределами Степанакерта и Шуши велась война между деревнями, и многие из событий этой войны так и не были записаны. Почти неизвестной, но очень жестокой была резня в Мараге, армянской деревне в северной части Карабаха, недалеко от границы, рядом с азербайджанским городом Тертер. 10 апреля азербайджанцы захватили деревню, и ее защитники-армяне отступили. На следующий день армяне отбили деревню и сообщили, что нашли и похоронили тела по меньшей мере сорока трех жителей. Группа представителей организации Christian Solidarity International во главе с пэром Британии, горячей сторонницей карабахских армян баронессой Кэролайн Кокс, приехала в Марагу для расследования обстоятельств этой бойни. Они записали рассказы местных жителей и экстремумировали и сфотографировали «обезглавленные и обугленные тела». По меньшей мере пятьдесят жителей Мараги были также взяты в заложники, из которых девятнадцать так никогда и не вернулись³⁵.

ПАДЕНИЕ ШУШИ

Весной 1992 года эпицентр войны сместился в Шушу, горную цитадель в самом сердце Карабаха. Азербайджанцы уже были изгнаны почти из всех населенных пунктов в Карабахе и оставались только в Шуше и в ряде окрестных деревень. Они все еще контролировали дорогу из Карабаха в Армению и поэтому могли держать Степанакерт в осаде. Окруженная с двух сторон скалами, Шуша была построена как крепость, которую легко оборонять. Она с успехом выдержала две долгие осады персидских войск в 1795 и в 1826 годах. Если бы азербайджанцы сумели здесь удержаться, они могли бы еще надеяться, что карабахские армяне будут в конце концов вынуждены повиноваться.

Однако Шуша сама была в осаде. Попасть в город наземным транспортом можно было только с запада, через город Лачин, находящийся в непосредственной близости от Армении. После того как 28 января над Шушой был сбит вертолет, все пассажиры которого погибли, этот длинный путь стал для города поистине дорогой жизни.

Подходили к концу запасы воды, с которой в Шуше и так всегда были проблемы.

Командиры приезжали и уезжали. Второй министр обороны Азербайджана Таджеддин Мехтиев прибыл в Шушу 20 января. Предпринятые им меры показали, что за многие годы службы в советском Генеральном штабе он так и не смог набраться опыта ведения военных действий. Мехтиев возглавил обреченную вылазку из Шуши с целью захвата армянской деревни Кариантак (азербайджанцы называют ее Дашалты). Его отряд попал в засаду, и в завязавшемся бою около семидесяти солдат погибли, остальные были убиты во время бегства. Прибывший на место событий фотокорреспондент Джон Джонс увидел заснеженный горный склон, весь усеянный трупами. После этого сокрушительного разгрома Мехтиев покинул Шушу и вскоре был отстранен от должности министра обороны³⁶.

В начале февраля в Шушу приехал новый военный руководитель — Рагим Газиев. Газиев был не профессиональным военным, а преподавателем математики: он умел много и страстно говорить, но идеи его были далеки от практики. Он заявил на митинге, что оставит город «только по дороге на Ханкенды [Степанакерт]». Однако ему так и не удалось объединить четыре разрозненные вооруженные группы, находившиеся под его началом. Их командиры не доверяли друг другу и не поддерживали контактов даже по радиосвязи. Говорит Азай Керимов, один из руководителей местной милиции: «У каждого лидера партии был собственный батальон. Единого командования не существовало. У нас были люди, которые хотели воевать, было оружие и провиант, было все, что нужно. Но люди не хотели защищать город»³⁷.

Политические междоусобицы в Азербайджане стали отрицательно сказываться на обороне Шуши. Обещанное подкрепление так и не прибыло. В марте Газиева назначили министром обороны, и он вернулся в Баку. В апреле была сформирована новая «шушинская бригада» под руководством подполковника Эльбруса Оруджева, кадрового армейского офицера. Оруджева назначили военным комендантом еще трех южных городов, помимо Шуши, — Лачина, Кубатлы и Зангелана, что было абсурдно тяжелым бременем ответственности для одного человека. Когда он

приехал в Шушу, воинские части просто покидали город. Репортер Миршахин Агаев вспоминал, что видел колонну солдат и бронетехники, покидающую Шушу ночью с выключенными фарами³⁸.

Для армян захват Шуши был стратегической задачей номер один. Операцию по взятию города было поручено провести Аркадию Тер-Татевосяну по прозвищу Командос или Командо. У Тер-Татевосяна, тихого профессионального офицера из Грузии, было одно большое преимущество — отсутствие каких-либо политических амбиций. Он стал получать из Армении новые партии оружия, когда после захвата Ходжалы вновь открылся единственный в области аэродром.

Тер-Татевосян говорит, что его главной целью было окружить Шушу, взять окрестные деревни и отвлечь часть азербайджанских сил от обороны города. «Нам нужно было сделать вид, что мы хотим захватить эти деревни, чтобы сбить с толку противника»³⁹. Часть самых жестоких сражений происходила за пределами города. В ходе кровопролитного боя в конце апреля азербайджанцам почти удалось выбить армян с так называемой «26-й высоты» в пригороде. Потери были велики. «Если бы они приложили больше усилий, чтобы взять 26-ю высоту, им бы это удалось», — говорит Тер-Татевосян. В начале мая все было готово к штурму, но он был отложен на несколько дней, видимо, из-за плохой погоды. Таким образом, начало штурма совпало с визитом президента Армении Тер-Петросяна в Иран.

За два дня до наступления связь Шуши с внешним миром была отрезана. Оруджев говорит, что в городе остались только несколько сотен защитников и он по радио запросил подкрепление:

«Я сказал: «Кто-нибудь меня слышит? Я в Шуше. Со мной только семь человек. Вы меня слышите?» В это время я находился на городской телевизионной станции. Мне отвечают: «Агдам на связи. Я вас слышу». «Барда на связи. Я вас слышу». «Кубатлы. Я вас слышу». Я отвечаю: «Это Эльбрус Оруджев, комендант Шуши. Мы удерживаем город. Я отбил атаку армян. Умоляю вас, пришлите сюда людей, всех, кто у вас есть. Все, кто любит свою страну, берите оружие в руки, идите сюда и защищайте город»⁴⁰.

Единственным среди азербайджанских военачальников, кто откликнулся на этот призыв, был родной брат Оруджева, Эльхан Оруджев, который предпринял отвлекающую атаку из Агдама, но уже было слишком поздно. Пока Оруджев передавал свой призыв, войска спешно покидали Шушу. Один из оборонявших город, Юсиф Гусейнов, вспоминает, что «даже седьмого мая некоторые воинские части еще покидали город. И мы не знали об этом. Я сам ходил туда [восьмого числа] и увидел, что казармы пусты и вся техника вывезена»⁴¹.

Штурм начался в 2 часа 30 минут 8 мая. Тер-Татевосян говорит, что по его расчетам вся операция должна была занять «три-четыре дня». Он надеялся посеять панику среди защитников города и заставить их покинуть город без боя. Крупный воинский контингент был выставлен у открытой дороги на запад из Шуши, причем солдатам был дан приказ не стрелять в людей, бегущих из города, однако блокировать доступ в город для подкрепления. Одним из тех, кто находился на этой позиции, был и Роберт Кочарян, нынешний президент Армении. Еще одно десантное подразделение получило приказ взобраться на высокую скалу над Каринтаком, но помешала плохая погода. Таким образом, основное бремя наступательной операции легло на плечи тех армянских солдат, которые подходили к городу по горным тропам с севера и востока. «Мы поднимались по тем самым тропам, по которым они сами раньше шли на нас в атаку и которые мы заметили», — вспоминает Тер-Татевосян.

Днем шли ожесточенные бои за шушинскую телевизионную башню на северной окраине города и за тюрьму на востоке. Гагику Авшаряну был дан приказ поставить танк Т-72 на дороге и прикрыть северные подступы к городу. Когда показался один из трех азербайджанских танков, оба танка открыли огонь друг по другу с расстояния в 350 метров. «Он отлично стрелял», — комментировал Авшарян. Он сумел открыть люк как раз в тот момент, когда в его танк попал третий снаряд противника. Он выскочил наружу и, несмотря на сильные ожоги, выжил, а механик-водитель и стрелок погибли⁴².

К вечеру защитники города решили, что атака армян отбита. Оруджев говорит, что в восемь часов вечера он ус-

лысал по радио, как русский командир по прозвищу Казак отдал приказ отступить от города. «Если бы мы продержались еще два часа, они бы отошли», — говорил Азай Керимов. Роковым для города оказалось то, что, как и предлагал Тер-Татевосян, в течение этого дня большинство защитников попросту бежали из Шуши.

Многие азербайджанские мирные жители оставались в городе до последнего и только к концу дня тоже обратились в бегство. Сона Гусейнова, работавшая в Шуше поваром, говорит, что она покинула город «в последнем танке» с четырнадцатью другими беженцами. Артиллерийская канонада была такая громкая, что «у меня долго потом в ушах гудело и я ничего не слышала»⁴³. Юсиф Гусейнов вспоминает, что он буквально волоком вытащил своего отца из города, когда уже исчезла всякая надежда. «Люди потеряли веру и уже не ждали никакой помощи. В конце концов, эти последние пять лет подготовили жителей к мысли о том, что город придется покинуть. И даже в последний день, когда все уже было известно о штурме, нам не оказали хоть сколько-нибудь существенной помощи, то есть вообще никакой». У Оруджева уже не хватало людей для продолжения боя, и он дал приказ к отступлению. Одним из тех, кто покинул Шушу в числе последних, был чеченский доброволец Шамиль Басаев, впоследствии печально известный лидер боевиков в чеченской войне.

Бой продлился всего один день, но в ходе боев погибло, вероятно, около трехсот человек⁴⁴. Первые армяне вошли в Шушу только утром 9 мая. Они боялись, что внезапно затихший город может оказаться для них ловушкой.

ШУША ЗАХВАЧЕНА

10 мая сотни армян хлынули в захваченную Шушу. В церкви Казанчецоц они нашли сотни ящиков с ракетами для установки «град», которые азербайджанцы так и не использовали. «Когда я вошел и увидел эти боеприпасы, у меня чуть не случился сердечный приступ», — говорит Тер-Татевосян. В кадрах снятого тогда фильма запечатлена цепоч-

ка армянских добровольцев, которые осторожно выносят из церкви деревянные ящики, похожие на маленькие гробы. Пока они этим занимались, мародеры и поджигатели в разных уголках города начали устраивать пожары, пропуская мимо ушей протесты вернувшихся в родной город армянских жителей и представителей армяно-карабахских властей. «У карабахцев существует дурной обычай, вернее, предрассудок — сжигать дома в захваченных городах, чтобы враг не мог вернуться», — говорит Тер-Татевосян.

Падение Шуши произошло в тот момент, когда президент Армении Левон Тер-Петросян встретился в Тегеране с действующим лидером Азербайджана Ягубом Мамедовым для проведения мирных переговоров. Это была первая попытка Ирана стать посредником между конфликтующими сторонами, а также первый визит Тер-Петросяна к своему влиятельному южному соседу. 9 мая две делегации подписали коммюнике по основным принципам мирного соглашения. По словам Мамедова, Тер-Петросян пытался убедить его, что он сторонник мира, но у него есть сложности с карабахскими радикалами: «У него в стране была такая же оппозиция, что и у нас. Я чувствовал, что он стремится решить эту проблему позитивно и политически»⁴⁵.

Переговоры закончились. Тер-Петросян с армянской делегацией улетел в Исфахан, а президент Ирана Хашеми Рафсанджани проводил Мамедова в тегеранский аэропорт. На трапе самолета Мамедову вручили сообщение о том, что армяне атаковали Шушу. Эта новость стала катастрофой для посреднической миссии иранцев — и это была их первая и последняя попытка играть роль посредника в регулировании конфликта. Новость также вызвала большое замешательство у Тер-Петросяна, который знал о плане захвата Шуши, но не был извещен о точной дате проведения операции. Теперь все выглядело так, будто он или пытался обмануть азербайджанцев, или не контролировал ситуацию. Кое-кто даже подозревал, что наступление было отложено не по причине плохой погоды, а все это было заранее спланированной хитростью карабахских лидеров, чтобы сорвать мирные переговоры в Иране и унизить Тер-Петросяна⁴⁶.

Потеря Шуши явилась для Азербайджана самым большим военным ударом. Теперь азербайджанцы лишились своего последнего оплота в Карабахе, но этим значение их военного поражения не исчерпывалось. Ведь Шуша известна как колыбель азербайджанской культуры. Даже восемь лет спустя в глазах Эльбруса Оруджева блестят слезы, когда он говорит о последних днях города: боль от пережитого и горькое осознание своего бессилия защитить Шушу, по-видимому, все еще живы в его душе.

Захват «неприступной крепости» Шуши тотчас породил различные теории заговоров, о причинах падения города: говорили, что Шушу продали; что с армянами заключили сделку; что Рагим Газиев сдал город русским, чтобы вернуть к власти Аяза Мугалибова... Однако в своих интервью оба главных участника этого сражения отвергали подобные теории. И Оруджев, и Тер-Татевосян настаивали на том, что Шуша просто была плохо защищена. «У них не было одного командира, которому бы все подчинились», — заявил Тер-Татевосян. Сам же он был единоличным командиром, проводившим боевую операцию, и под его началом воевали солдаты, для которых провал захвата Шуши означал продолжение обстрелов Степанакерта. Азербайджанцы не смогли организовать оборону города вплоть до того момента, пока туда не прибыл Оруджев, а это случилось всего лишь за несколько дней до начала штурма. К тому времени многие защитники уже давно уехали в Баку. Сам Оруджев обвиняет бакинских политиков в том, что они не сочли организацию обороны города приоритетной задачей. Он говорит, что, «если бы в Баку не царил такой беспорядок, никто и никогда не смог бы захватить Шушу». Столь прямолинейное объяснение причины падения города подкрепляется словами одного из его защитников — не кем иным, как чеченским боевиком Шамилем Басаевым. В 2000 году в интервью, которое он дал корреспонденту азербайджанской телевизионной компании АНС высоко в горах Чечни, Басаев сказал:

«Шушу просто бросили на произвол судьбы. Okolo семисот армян пошли в наступление, ну и что с того! Имея такой крепкий гарнизон и такое количество оружия, к тому

же учитывая, какое стратегически выгодное положение занимала Шуша, сто людей могли бы, по крайней мере, год удерживать город. Но не было организации. Сегодня можно арестовать какого-то конкретного генерала или министра, просто арестовать и сказать, что он предал город, что он его сдал, он его продал. Но это все болтовня. Просто не было единого управления. Никто ни за что не отвечал»⁴⁷.

«САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ ХАОС»

Падение Шуши усилило политические разногласия в Азербайджане. В Баку стороны обменивались обвинениями в некомпетентности или предательстве. Гейдар Алиев, в то время спикер парламента Нахичеванской автономии, продолжал свою тонкую игру, стремясь стать «третьей силой» в Азербайджане. Он сказал корреспонденту информационного агентства Рейтер, что, «когда в Азербайджане бушует война», провести в назначенные сроки президентские выборы невозможно — имея в виду выборы, в которых он не участвовал по возрастным ограничениям. «В Баку сейчас нет руководства, — категорически заявил Алиев. — Там царит самый настоящий хаос»⁴⁸.

14 мая 1992 года парламент возобновил свою работу, и депутаты от бывшей коммунистической партии неожиданно устроили конституционный переворот с целью возвращения к власти Аяза Муталибова. Депутаты объявили, что поскольку предварительные результаты расследования в Ходжалы доказали невиновность Муталибова, то его отставка, следовательно, неконституционна. Муталибов вернулся в зал заседаний парламента и объявил, что он с радостью соглашается со своим восстановлением в должности президента. Естественно, нужно было отменить президентские выборы 7 июня, поскольку он вновь стал президентом Азербайджана.

Этот маневр явился фактически объявлением гражданской войны. На стороне азербайджанской националистической оппозиции была конституция, по которой были уже

закрыли, а всех священнослужителей либо сослали, либо посадили, либо расстреляли. Он поставил перед собой задачу начать возрождение Армянской Апостольской Церкви в Карабахе. Я поинтересовался, можно ли быть армянином, но не христианином. «Нет, невозможно, — ответил Паркев, — быть армянином и быть христианином — это одно и то же».

Судя по рассказам архиепископа, христианство в Армении было скорее коллективным символом национальной идентичности и непокорности, чем духовным кredo. Паркев всегда находился в гуще событий. Он рассказал, как однажды ноябрьской ночью 1991 года в Степанакерте он вошел к себе в спальню. А через несколько минут ракета, выпущенная из Шуши, попала в комнату, из которой он только что вышел, и все было уничтожено пожаром.

Паркев говорил, что, когда вечером 8 мая 1992 года захлебнулась первая атака армян на крепость Шуша, именно он разгадал суть проблемы и предложил ее решение. Дело, по его мнению, было в том, что на центральной площади Степанакерта стоял памятник Антихристу — Ленину. «Я сказал: «Сбросьте Ленина!» — и вскоре мы заняли Шушу. Вот как это было. Через пару часов наши уже вошли в центр города».

Архиепископ Паркев сказал, что он поддерживал штурм Шуши молитвой и в самих военных действиях участия не принимал. Однако я знал как минимум одного священнослужителя, не отличавшегося такой щепетильностью. Четырьмя годами раньше, в 1996 году, когда я впервые посетил Шушу, недалеко от того места, где мы сейчас сидели с Паркевом, я встретил настоящего отца-воителя, как будто уцелевшего со времен средневекового христианства. Было воскресное утро, и я с коллегой пришел на службу в маленькую церквушку Канач Жам. В ее каменных стенах звонко звучали слова армянской литургии. Службу проводил отец Корюн, высокий, молодой священник с густой черной бородой и ясными восторженными глазами.

По окончании службы отец Корюн пригласил нас к себе домой, в полуразрушенное многоквартирное здание. Он выставил коньяк и познакомил нас с женой и сыном. Большая часть беседы представляла собой страстный монолог

энтузиаста национальной истории, у которого современная война перемешалась с событиями более чем тысячелетней давности. Корюн сказал, что не мог не приехать в Карабах, поскольку его «призвала сюда кровь предков». И его долг состоял не только в том, чтобы править церковную службу, но и воевать. «Я целовал крест, потом откладывал крест и Евангелие в сторону, — рассказывал он, помогая себе жестами, — снимал сутану, надевал военную форму, брал в руки оружие и шел сражаться».

Должно быть, мы выглядели удивленными. Но святой отец, нимало не смущаясь, пояснил, что он не просто служитель церкви, но и «сын армянского народа». «Все наши территории будут освобождены, — заявил он. — Взгляните на карту! — Он ткнул пальцем в висевшую на стене карту Великой Армении, на которой границы современной сухопутной Армении раздвигались, тянулись через Турцию, Грузию и Азербайджан к двум морям. — Не знаю, суждено ли мне увидеть это, не знаю, увидит ли это мой сын. Но наше дело завершит мой внук».

Когда четыре года спустя я спросил архиепископа Паркева об этом воинственном священнике, он уклонился от ответа и заявил, что тут, должно быть, произошла какая-то ошибка. Существует практика, когда священники проводят обряд крещения солдат в зоне боевых действий и используют каски как потирь для святой воды, но не более того. «Оружие священника — его крест», — заявил он, рассчитывая, что эту метафору я приму за чистую монету. Я не стал его больше расспрашивать.

Архиепископ оказался гораздо реалистом, чем его воинственный собрат, но выражался он столь же жестко. Паркев заявил, что Шуша, или Шуши, — исконно армянский город. Когда же я упомянул о заброшенных городских мечетях, он возразил, что азербайджанскими их называть нельзя, поскольку построены они в девятнадцатом веке, когда — армяне не устают вас в этом убеждать — азербайджанцев в Карабахе не было. «Так почему же их не восстанавливают?» — «Мы переговорили с иранцами и дали им разрешение на восстановительные работы, — ответил Паркев. — Но они пока не торопятся». Когда же я затронул тему возвращения азербайджанцев в Шушу, архиепископ стал